

УДК 811.111'243:81

К. Мележик, кандидат филологических наук

Таврический национальный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ЯЗЫКОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ЕВРОСОЮЗА

В статье обсуждается проблема европейского английского лингва франка (ЕАЛФ) – языка межнационального общения. Критически анализируется политика языкового разнообразия Евросоюза, утверждается роль ЕАЛФ как дополнительного, контактного языка, который не обладает функцией идентификации и определяется по своей роли в межкультурной коммуникации, обеспечивая равные коммуникативные права всем пользователям.

Ключевые слова: европейский английский, лингва франка, политика языкового разнообразия.

Постановка проблемы. В 2001 г. шведский лингвист М. Модино писал, что, если бы Евросоюз своим указом решил сделать европейский вариант английского языка (АЯ) официальным языком (наряду с одним или двумя другими наиболее значительными европейскими языками) и стандартом в системе образования, то АЯ бы немедленно получил статус обязательного второго языка на территории всех стран-членов Сообщества. Подобно Индии, Сингапuru и Нигерии, где АЯ служит контактным языком межэтнической коммуникации, Евросоюз является политическим образованием, в котором «евроанглийский язык» функционирует в качестве лингва франка среди людей с разными национальными языками, и, по мнению М. Модино, наивно предполагать, что не будет иметь место его легитимация, кодификация и стандартизация [11: 13].

По прошествии 10-15 лет стало ясно, что оптимистические прогнозы предстоящей легитимации европейского английского лингва франка (ЕАЛФ) оказались преждевременными, несмотря на возрастающее количество исследований проблемы АЯ в странах Европы. **Актуальность** изучения языковой ситуации в ЕС определяется, прежде всего, расхождением между реальной ролью ЕАЛФ и тем статусом, который ему отводит официальная языковая политика Евросоюза, а **новизна** исследования заключается в предлагаемом здесь подходе к рассмотрению этой проблемы.

Целью статьи является раскрыть основные факторы языковой ситуации на территории Евросоюза. Первые акты Евросоюза, определившие итальянский, немецкий, нидерландский и французский в качестве его официальных языков, были изданы в 1958 г., т.е. через 6 лет после образования Сообщества [13: 80]. В настоящее время Евросоюз насчитывает 28 стран-членов и 24 официальных и рабочих языка, помимо которых насчитывается более 60 региональных языков коренных этнических меньшинств и более 300 языков иммигрантских общин. [5] Политика Евросоюза направлена на пропаганду равноправия всех языков, сохранение языкового разнообразия и распространение знания

© К. Мележик, 2014

языков с целью укрепления культурной идентичности, социальной интеграции и равенства образовательных, профессиональных и экономических возможностей граждан интегрированной Европы [5; 6].

Исследователи отмечают четыре уровня функционирования языков в ЕС [1: 35; 2: 321; 4: 11]. Первый – это открытый институциональный уровень, где титульные языки служат конститутивным признаком государств, входящих в ЕС, т.к. символизируют их национальную идентичность и самостоятельность.

Второй, закрытый институциональный уровень, репрезентируется общением чиновников и членов различных комитетов на закрытых встречах, рабочих совещаниях и т.п. Формально все официальные языки ЕС являются и рабочими языками, поскольку, как пишет бельгийский исследователь А. де Сваан, «необходимо, по крайней мере, в принципе, уважать многоязычие сообщества» [4: 14]. В реальности, в качестве таковых используются только английский, французский и немецкий языки. Причем степень интенсивности их применения убывает именно в перечисленной последовательности. Равноправное функционирование всех 24 языков затруднительно из-за организационных и финансовых трудностей перевода. Так, например, синхронный перевод с одного языка на 23 других и наоборот требует усилий 506 переводчиков [4: 1]. Генеральный Директорат переводов Еврокомиссии насчитывает 1750 постоянных переводчиков, в дополнение к которым еще 600 переводчиков находятся в штате других подразделений ЕС [13: 81].

Третий уровень имеет место в локальном гражданском обществе, где общение происходит между гражданами одной страны, а функционирование языков определяется традициями и законодательствами каждой из стран, входящих в ЕС. В некоторых из них, например, Люксембурге, Дании, Швеции, Нидерландах, Кипре и Мальте, по мнению А. де Сваана [4: 15], может возникнуть серьезная проблема, связанная с широким распространением английского языка, который обслуживает значительные сферы общения – крупный бизнес, высокие технологии, высшее образование, интернет.

И, наконец, четвертый – уровень европейского гражданского общества, предусматривает общение между гражданами ЕС, проживающими в разных странах [4: 11-12]. Какой язык использовать на четвертом уровне общения, ежедневно самостоятельно решают миллионы европейцев и, в первую очередь, молодежь. По этому поводу А. де Сваан замечает, что молодежь не столь наивна, чтобы изучать язык для поддержания языкового многообразия или сохранения национальной идентичности. Язык изучается для того, чтобы обеспечить продвижение по социальной лестнице, при этом выбирается тот язык, который, как ожидается, будет учить все и который будет распространен повсеместно [4: 17].

Исследования Евробарометра, Информационно-исследовательского центра Европейской Комиссии, опубликованные в отчетах «Европейцы и их языки» [5], показывают, что европейцы положительно относятся к многоязычию. 98% респондентов считают владение иностранными языками полезным для будущего их детей, а 88% – для них самих. 72% согласны с тем, что надо изучать два иностранных языка, 77% полагают, что иностранные языки должны быть приоритетными предметами школьного образования, 67% ставят на первое место АЯ, 17% – немецкий, 16% – французский, 14% – испанский и 6% – китайский языки.

Наиболее многоязычны граждане Люксембурга, где 99 % знают хотя бы один иностранный язык, а затем словаки (97 %) и латыши (95 %). Самым популярным вторым

языком в Евросоюзе является английский (38%), за ним следуют немецкий (12%) и французский (11%), а затем русский, благодаря присоединению к ЕС стран Восточной Европы, и испанский. Наиболее многочисленную группу европейских билингвов составляют студенты – 8 из 10 студентов могут говорить хотя бы на одном иностранном (в основном, английском) языке [12].

В 2011 г. было проведено исследование языковой компетенции среди учащихся школ 14 европейских стран [10], которое показало, что на высоком уровне 42% респондентов владеют первым иностранным языком (АЯ) и 25% – вторым иностранным языком (АЯ, немецким, французским, испанским или итальянским). Национальные показатели по первому иностранному языку варьировались от 82% в Швеции и Мальте (АЯ) до 14% во Франции (АЯ) и 9% в Англии (французский). По второму иностранному языку национальные показатели варьировались от 80% в Бельгии (АЯ), 48% в Нидерландах (немецкий) и 35% в Мальте (итальянский) до 6% в Польше (немецкий) и 4% в Швеции (испанский) [10].

Последний амбициозный проект Евросоюза «Богатая языками Европа» ставит своей целью разработку общеевропейской языковой политики на 2012-2020 гг. на основе детальной оценки языковой ситуации и языкового законодательства в 14 странах-участницах проекта. В числе исполнителей проекта такие наиболее авторитетные Национальные институты языка и культуры Европейского союза, как, например, Британский Совет, Институт Гёте в ФРГ, датский Институт культуры, португальский Институт Камозенса, испанский Институт Сервантеса (British Council, Goethe-Institut, Det Danske Kulturinstitut, Instituto Camões, Istituto Cervantes) [10].

Основной принцип языковой политики Евросоюза заложен в том, что «именно разнообразие делает Европейский союз тем, чем он является – не «плавильным котлом», в котором стираются различия между народами, а общим домом, где процветает разнообразие, где многочисленные материнские языки населяющих его народов являются источником здоровья и служат мостом, ведущим к солидарности и взаимопониманию» [4: 2].

Французский исследователь А. фон Бусекист предлагает рассматривать сложившуюся в Евросоюзе языковую ситуацию как утилитарную сетевую систему (networks), которую характеризуют две отличительные черты. Во-первых, будучи неотделимой собственностью их пользователей, языки являются своего рода сетями, связанными с определенными экстерналиями (положительными или отрицательными побочными влияниями), а из этого следует стратегическое взаимодействие как между языками, так и между их пользователями. Во-вторых, каждый язык является своего рода товаром, который принадлежит всем, всеобщим достоянием его пользователей, лояльных своему языку до тех пор, пока не возникает ситуация, когда он уже не может удовлетворить их потребности. Тогда они готовы присоединиться к другой сети и уплатить «вступительный взнос» – время и усилия, затраченные на изучение нового языка [16: 60].

По мнению А. фон Бусекист, специфика языка, как коллективного товара заключается в том, что его стоимость возрастает с появлением каждого нового пользователя [16: 61]. Действительно, исследования французских социолингвистов показали, что увеличение числа говорящих по-английски на 1% ведет к увеличению числа людей, желающих изучать АЯ, на 3.6%. Для французского языка пропорция составляет 1% : 2.2%, а для немецкого – 1% : 1.8% [7: 50].

Анализируя языковую ситуацию в Евросоюзе, бельгийский социолингвист Ф. ван Парийс утверждает, что общий язык должен быть обязательным условием для успешного осуществления процесса европейской интеграции: «Чтобы интеграция стала реальностью, и мы могли общаться на равных началах, ЕС должен принять единый язык, лингва франка, функционирующий помимо и за пределами существующих национальных и региональных языков» [14: 17]. По его мнению, только такая стратегия может предоставить всем странам ЕС равный доступ к инструментам интеграции: «Когда речь заходит о выборе лингва-франка, АЯ является единственным адекватным средством, потому что за последние десятилетия мы стали свидетелями такой конвергенции относительно выбора второго языка, что любые попытки поиска других альтернатив будут необоснованны и неоправданны» [14: 23].

А. де Сваан также настаивает на том, что АЯ как лингва франка имеет наиболее высокий потенциал, который искусственно занижается в результате проводимой Евросоюзом политики поддержания многоязычия. Исследователь предостерегает от того, что он определяет как «сентиментальное отношение к языкам», которое реализуется в пропаганде равенства европейских языков, независимо от масштабов их использования [3: 568]. Поддерживая необходимость изучения и описания всех языков в научных целях, Ф. ван Парийс и А. де Сваан призывают отделять коммуникативный аспект языка от вопросов культуры и власти, отказаться от искусственной поддержки многоязычия как официальной политики и признать реальность использования английского в качестве европейского лингва франка [3: 577; 14: 24].

Согласно анализу А. де Сваана, английский язык является тем рациональным выбором, который позволяет малым языковым сообществам преодолевать изоляцию, а их членам обеспечивать лучшие возможности на рынке труда. Чем больше фрагментирован лингвистический ландшафт Европы, тем больше потребность в общем языке, который осуществляет объединяющую функцию в многоязычной Европе. АЯ служит основным средством коммуникации в Европе, но официальное признание этого факта все еще является табу в органах ЕС, и, как это ни парадоксально, бездействие Еврокомиссии в этом вопросе работает на пользу фактической консолидации использования АЯ в европейской языковой ситуации [3: 577- 578]. Как пишет П. Ферлейзен, официальная языковая политика управляющих органов ЕС должна учитывать, что ЕАЛФ представляет собой не вызывающий сомнения, неоспоримый факт европейской реальности [15: 35].

Надо отметить, что неизбежность признания роли ЕАЛФ и его эффективности в международной коммуникации вызывает серьезные возражения защитников лингвокультурного разнообразия (*linguistic and cultural diversity*) Европы. Их аргументы основаны, в первую очередь, на том, что внедрение ЕАЛФ за счет вытеснения какого-либо языка является результатом экспансии Великобритании и других англоязычных стран и наносит непоправимый ущерб всей системе европейских ценностей [15: 38]. Многие социолингвисты, стоящие на этой платформе, указывают, что применение утилитарных принципов свободного рынка к процессу распространения ЕАЛФ недопустимо, т.к. этот процесс предоставляет экономические и политические преимущества Великобритании и США, а расплачиваться за них вынуждены сами европейцы, включая и жителей беднейших стран Евросоюза [9].

Ф. Грин обращает внимание на огромные прибыли, которые получает Великобритания от распространения АЯ: только ежегодный экспорт услуг по преподаванию АЯ приносит Соединенному королевству £1.3 млрд., а, в целом, затраты европейцев по продвижению АЯ составляют ежегодно €17-18 млрд., возвращая Великобритании более 1% ее ВВП. По его мнению, многоязычие более эффективно для Евросоюза в экономическом плане, т.к. его члены могут не отдавать свои финансовые ресурсы англоязычным странам, а использовать для развития своих языков и культур [8].

Помимо финансового ущерба, Ф. Грин, П. Ив и другие сторонники языковой политики ЕС усматривают второе негативное следствие внедрения ЕАЛФ в европейское коммуникативное пространство в том, что в Сообществе насаждается упрощенное представление о языке как о преимущественно утилитарном инструменте. При этом, по замечанию П. Ива, в концепции ЕАЛФ не просматривается взаимозависимость языка, политического сообщества и культурной идентичности. Эта концепция игнорирует экспрессивное или символическое измерение языка, концентрируясь только на его коммуникативной или инструментальной функции [9: 125].

П. Ив настаивает на том, что язык надо рассматривать как человеческий институт, подверженный историческим изменениям и принадлежащий всем его носителям, которые сознательно определяют его роль в обществе. Таким образом, коммуникативный аспект языка должен идти рука об руку с его культурным и символическим аспектом [9: 126].

Полемизируя с Ф. Ван Парийсом, П. Ив признает ЕС потенциальной моделью, которой могут подражать другие наднациональные демократические организации. Декларируемое ЕС языковое разнообразие перед угрозой экспансии глобального АЯ, в его понимании, – не просто ритуальное или символическое заявление, а переход к наднациональной демократии, в которой перевод с одного языка на другой обеспечивает передачу ценностей и мировоззрения различных сообществ [9: 130].

Хотя большинство жителей стран-членов ЕС прекрасно понимают, что использование ЕАЛФ обеспечивает взаимное общение, способствует проведению общеевропейских акций и т.п., как среди лингвистов, так и на официальном уровне существует определенное противодействие растущей экспансии английского языка в ЕС. В первую очередь, это касается представителей тех стран, чьи языки обладают большой функциональной мощностью и до недавнего времени широко использовались в Европе, прежде всего, Франции и Германии [2]. Они естественно обеспокоены вопросом, почему французский или немецкий, будучи языками двух наиболее мощных экономик Европы, уступают приоритетные позиции английскому языку.

Однако если оставить в стороне публичную риторику, то создается впечатление, что по крайней мере Германия уже смирилась с существующим положением вещей [1: 35]. Об этом свидетельствует хотя бы факт очень интенсивного распространения английского языка в сфере бизнеса, высшего образования и науки Германии [1]. Некоторые подвижки в этом направлении наблюдаются и во Франции, которая, как известно, до недавнего времени проводила весьма жесткую политику по защите французского языка. Так, в законе «Об использовании французского языка» функционирование языка в бизнесе никак не регламентировано. Более того, признается, что использование английского языка важно для внутренней и внешней коммуникации в международных компаниях, т.е. в этой области экономические интересы оказываются важнее идеологических.

Европейская языковая ситуация заключается в том, что ЕС представляет сегодня многоязычную область, «титовые нации» государств которой представлены развитыми культурными языками, обладающими максимальными общественными функциями. В странах, чьи языки никогда не выполняли функцию международного общения, к гегемонии английского языка относятся достаточно спокойно. Особенно это характерно для стран Восточной Европы, в которых изучение английского языка идет очень быстрыми темпами [1: 36]. Характеризуя сложившуюся в ЕС языковую политику, А. Сваан пишет: «Инстанции ЕС, с одной стороны, провозглашают высокие идеалы поддержания языкового многообразия, а с другой, молчаливо соглашаются с экспансией английского языка. Такая позиция, безусловно, является двусмысленной. Однако она отражает двойственное отношение к этой проблеме самих европейцев, которые чисто житейски стремятся извлечь выгоду из наличия единого языка общения, но при этом сопротивляются официальному закреплению фактического статуса английского языка. Таким образом, лицемерие помогает скрывать разницу между реальным языковым поведением и декларируемыми принципами». [4: 17-18]

Выводы: Распространение АЯ продолжается де-факто, и его трудно остановить, поскольку оно происходит не в результате политических решений, а в результате добровольного выбора миллионов граждан, осуществляемого по чисто прагматическим соображениям. Пока ученые и политики дискутируют, жизнь идет своим чередом, и английский занимает все более устойчивые позиции. Так, например, вся деятельность вспомогательных служб органов Евросоюза – секретариатов, групп референтов и т.п. – осуществляется только на английском языке [1:36].

По мере расширения ЕС все больше возрастает роль языка-посредника. Как кратко охарактеризовал эту ситуацию А. Сваан, «чем больше языков, тем больше английского» [3: 578]. Таким образом, позицию критиков официальной языковой политики Евросоюза можно свести к следующему тезису: концепция АЯ как первого иностранного языка среди других иностранных языков в коммуникации и системе образования должна уступить место концепции АЯ как основного контактного языка – лингва франка объединенной Европы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Крючкова Т.Б. Языковая политика и реальность / Т.Б. Крючкова // Вопросы филологии. 2010, №1 (34). – С. 30-39.
2. Ammon U. English as a future language of teaching at German universities? / U. Ammon // U. Ammon (Ed.) The dominance of English as a language of science. – Berlin: Mouton De Gruyter, 2001. – P. 343-362.
3. De Swaan A. Endangered languages / A. De Swaan // European Review, 2004, vol. 12, n. 4. – P. 567-580.
4. De Swaan A. The language predicament of the EU since the enlargements / A. De Swaan // Sociolinguistica, 2007, N 21, pp. 1-21.
5. Europeans and their languages. Eurobarometer survey. – Brussels: The European Commission, 2013. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://ec.europa.eu/languages/languages-of-europe/eurobarometer-survey_en.htm

6. European year of languages 2001. – Brussels: The European Commission, 2001. [Електронний ресурс] – режим доступу: http://europa.eu.int/comm/education/policies/lang/awareness/year2001_en.html

7. Fidrmuc J., et al. Le français, deuxième langue de l'Union Européenne? / J. Fidrmuc, et al // *Économie publique*, 2004, N 15/2. – P. 43–63.

8. Grin F., Sfreddo C., Vaillancourt F. The economics of the multilingual workplace / François Grin. – New York: Routledge, 2010. – 242 p.

9. Ives P. 'Global English': Linguistic Imperialism or Practical Lingua Franca? / Peter Ives // *Studies in Language and Capitalism*, 2006, issue 1. – P. 121-142. [Електронний ресурс] – режим доступу: <http://languageandcapitalism.info>

10. Languages of Europe. – Brussels: The European Commission, 2014. [Електронний ресурс] – режим доступу: http://ec.europa.eu/languages/languages-of-europe/index_en.htm

11. Modiano M. A new variety of English / Marko Modiano // *English Today*, 2001, N 68. – P. 13–16.

12. Multilingualism: An Asset for Europe and a Shared Commitment. – Brussels: The European Commission, 2008. – 16 p.

13. Sosoni V. Training translators to work for the EU institutions: luxury or necessity? / V. Sosoni // *JoSTrans*, 2011, issue 16. – P. 77-108.

14. Van Parijs Ph. English as the European Union's Lingua / Ph. Van Parijs // *Economie publique*, 2004/2, N 15. – P. 13-32.

15. Verleysen P. Lingua franca: chimera or reality? / Piet Verleysen // *European Commission*. – Luxembourg: Publications Office of the EU, 2010. – 91 p.

16. Von Busekist A. One Man, One Voice! One People, One Language? / A. von Busekist // T. Herman (ed.) *For the People, By the People*. – Jérusalem: IDI Press, 2012. – P. 51-86. http://en.idi.org.il/media/1429204/ByThePeople_BUSEKIST.pdf

Стаття надійшла до редакції 17.09.14

К.А. Мележик, кандидат філологічних наук,

Таврійський національний університет імені В.І. Вернадського, Сімферополь

МОВНА ПОЛІТИКА І МОВНА РЕАЛЬНІСТЬ ЄВРОСОЮЗУ

У статті обговорюється проблема європейської англійської лінгва франка (ЕАЛФ) – мови міжнаціонального спілкування. Критично аналізується політика мовного розмаїття Євросоюзу, затверджується роль ЕАЛФ як додаткової, контактної мови, яка не володіє функцією ідентифікації і визначається за своєю роллю в між-культурній комунікації, забезпечуючи рівні комунікативні права всім користувачам.
Ключові слова: європейська англійська, лінгва франка, політика мовного розмаїття.

LANGUAGE POLICY AND LANGUAGE REALITY OF THE EU

The problem of the status of English as the European lingua franca (EELF) is discussed in the article. The pragmatic function of EELF in EU is critically analyzed basing on the views of European sociolinguists. It is argued that Euro-English is a nativised variety that doesn't possess any national identification function but provides its users with equal communication rights being a universal contact language.

Key words: European English, lingua franca, EU language diversity.